

«Театральная энциклопедия»
1936 г. № 28.

НАРОДНЫЕ АРТИСТЫ СССР

ДВЕ „СТАРУХИ“

Постановление правительства ставит их рядом. Это еще раз подчеркивает ту творческую близость и родственность двух артистических индивидуальностей, которая очевидна для каждого внимательного зрителя и биографа Корчагиной-Александровской и Блюменталь-Тамариной. К сожалению нет ни одного обстоятельного исследования их богатейшего сценического опыта. Но и в кратких воспоминаниях Корчагиной-Александровской («Мой путь» и статья в «Театре и драматургии» № 5 за 1936 г.) и в мемуарных записях Блюменталь-Тамариной («Советский театр» № 3 за 1936 г.) встречается очень много общего, сближающего двух замечательных актрис.

Схожие пути привели их на столичную образцовую сцену. Нет расхождения в их взглядах на природу и задачи сценического искусства. Одинаковы и их литературные вкусы: Гоголя и Островского они предпочитают всем прочим драматургам-классикам. И обе они — известные, маститые художницы — приняли Великую пролетарскую революцию с молодым, горячим воодушевлением, отдали ей все свои искренние симпатии, весь свой великолепный талант и огромное мастерство. Обе они с увлечением говорят о своем «втором рождении» в годы советской власти.

«Стать старше на семнадцать лет в моем возрасте — это значит одрахлаеть, а я молодеею с каждым днем», — говорит Блюменталь-Тамарина. В 75 лет она вступает в ряды сочувствующих ВКП(б). Таков естественный путь актрисы, с каждым днем, с каждым шагом своей общественно-художественной деятельности приближающейся к познанию коммунистических идей. Она рассказывает о далеком прошлом: «Революционеркой я не могла сделаться. К этому мне нужно было прийти через мою работу. Мне всегда хотелось создавать что-то осмысленное, а народолюбческое окружение, в котором я находилась, было больше занято романтической разрушения». Работа привела художника к великой партии Ленина — Сталина, которая многих осчастливила радостными вдохновляющими чувствами «возвращенной молодости».

Обе они испытали все «шипы и тернии» старой театральной провинции, но в то же время с полным правом могли сказать: «Театр любила и люблю и без театра не могла бы, думаю, жить» (Блюменталь-Тамарина, Сборник «Актеры и режиссеры»). Провинция, заставлявшая играть с одной-двух репетиций, мешала серьезной работе над ролью. Но провинция знакомила их с большими мастерами. Провинция давала простор законным стремлениям молодых актеров — как можно чаще играть и расширять свой репертуар. Провинция развивала их работоспособность и личную творческую инициативу. Люди бесталанные и пассивные гибли сотнями и тысячами, погрязнув в болотистой тине провинциального театра, угнетавшего своим бескультурьем и лавочно-

Народная артистка Союза ССР
Е. П. КОРЧАГИНА-АЛЕКСАНДРОВСКАЯ

барышнической «идеологией». Люди даровитые, сильные, любящие искусство и безгранично преданные ему иногда выходили победителями в борьбе с театральной ветошью и рутинной, обогащенные могучим опытом этого многолетнего и непримиримого состязания. Множество ролей — самых разнообразных — предшествовало вхождению Корчагиной-Александровской и Блюменталь-Тамариной на высокие подмостки столичного театра. Но уже в начале их сценических биографий проступали те яркие качества, которым они затем стали обязаны своей славой. Это чувство сценической правды, тончайшая жизненная наблюдательность, великолепное знание быта, неустанный технический совершенствований, изумительное владение словом, — мастерство языка, интонации.

Когда в 1912 г. отмечалось двадцатипятилетие сценической деятельности Блюменталь-Тамариной, служившей тогда в театре Корша, критик журнала «Студия» писал: «Уходя от Марии Михайловны, я уносила глубокое и убежденное сожаление в том, что эта артистка служит в театре, репертуар которого для нее слишком случаен и незачителен. Ее место — несомненно на сцене Малого или Художественного театров!» В Малый театр Блюменталь-Та-

марина пришла только несколько лет назад, но ее уже давно называют законной наследницей О. О. Садовской. И хотя Корчагина-Александровская тоже не является воспитанницей Александринки, но в оценке ее творчества всегда устанавливают линию преемственности от Гусевой, Линской, Стрельской.

Корчагина-Александровская и Блюменталь-Тамарина — воспитанницы русского реалистического театра, продолжательницы его лучших традиций, наглядно убеждающие в их силе и жизненности, успешно осуществляющие связь этих традиций с задачами советского искусства и новой революционной действительности. Эти традиции восходят к Шепкину или даже к Мочалову — первому «актеру-плебею», как называл его Белинский. Они находили достойное воплощение в искусстве Мартынова, Варламова, Давыдова. Это главные традиции сценического реализма, главной задачей которого является обобщенное, критическое и в то же время правдивое изображение действительности. Вот почему Корчагина-Александровская рассказывает в статье «Мой опыт» о том, как она ищет «правдивую жизненную обобщенность», и убежденно заявляет: «лишь то искусство может быть подлинно народным, лишь то искусство «корнями своими уходит в толщу масс», как говорил Ленин, и может быть любимо ими, которое основано на строгой творческой правде. Поэтому единственным для себя законом искусства я признаю реализм».

Наблюдательность, зрительная и слуховая память — свойство каждого истинного художника, без которого он не может воссоздавать жизнь. «Я переиграла за свою жизнь сотни ролей, — сообщает Блюменталь-Тамарина, — и всегда старалась, чтобы они были разные. Больше всего мне в этом помогла моя наблюдательность. Я, как в копилку, прятала в себя впечатления от каждой встреченной статьи, специально бродила по церквам, торчала у ограды, на папертях и смотрела на нищих, странниц. Как они держат голову, как берут вещи, улыбаются — все это можно было только подсмотреть, нарочно ведь не выдумашь». «Моим университетом была прежде всего сама жизнь», — заявляет Корчагина-Александровская. «Хорошему актеру нужно иметь содержательную, насыщенную мыслями и чувствами жизнь». И еще — «первое обязательное правило для каждого молодого актера — быть на сцене всегда и во всем человеком, всячески развивать и обогащать свою личность, не замыкаться в узком кругу ремесленных профессиональных интересов, уметь жить полнотой человеческой жизни». Учиться у жизни, находить в своем жизненном опыте, в своих самых сокровенных мыслях и чувствах источники творческого вдохновения — к этому призывали, этому следовали лучшие мастера сцены.

Слово — сильнейшее оружие и самый тонкий инструмент сценического воздействия. Только тот актер знает секрет театральной убедительности, кто в совершенстве владеет искусством речи. Надо любить слово, чувствовать его смысл, его тональную окраску. Собственным творчеством Корчагина-Александровская не раз доказывала справедливость утверждения, что «в устах актера слово должно быть средством едва ли не самого сильного воздействия на

аудиторию и выявления своих творческих замыслов». И потому что она чувствует самые мельчайшие изменения интонации, потому что она владеет своей голосовой аппаратурой как гончайшим музыкальным инструментом, способным на всевозможные, едва уловимые оттенки и нюансы, и еще потому, что своей игрой сама всегда доказывает, что «в слове на сцене надо искать правду и простоту» — ей, точно так же как и Блюменталь-Тамариной, часто удается из эпизодической роли в две-три (а иногда и в одну, как в «Пугачевщине») фразы создавать законченные сценические шедевры. Когда же Корчагина-Александровская или Блюменталь-Тамарина выступают в большой роли, они превращают текст в изумительное, строгое и в то же время необычайно затейливое по рисунку, ярко узорчатое словесное кружево, одновременно поражающее, как это ни странно, и своей сложностью, и своей простотой. Ведь, если хотите, актеру сложнее всего добиться настоящей человеческой простоты. И как жаль, что такие виртуозные мастерицы сценической речи очень редко появляются в ролях нового репертуара. Корчагина-Александровская с грустью, укоризненно замечает: «После революции мне пришлось сыграть очень мало ролей. Играла все больше какие-то эпизоды. До сих пор еще советские драматурги не могут обеспечить актрис полнокровными большими ролями». И тем более

Народная артистка Союза ССР
М. М. БЛЮМЕНТАЛЬ-ТАМАРИНА

жаль, — ибо только после революции, в пьесах советских авторов обе актрисы, задолго до Октября утвердившиеся в рамках своего общепризнанного «амплуа», обрели твердую идейную основу и великий социальный смысл для своих природно-профессиональных наклонностей, синтез которых фактически и составляет так называемое «амплуа».

По старой терминологии Корчагина-Александровская и Блюменталь-Тамарина — актрисы на роли комических или характерных «старух». Действительно, все роли классического репертуара, относящиеся к этой категории «действующих лиц», находят в лице обеих актрис чудеснейших исполнительниц. Обе они играют старух в пьесах Островского, Пошлепкину в «Ревизоре». Больше того, они очень рано обратились к старческим ролям и в течение долгих лет сживались с этими «амплуа». В молодые годы играть старух — для многих наших актрис это кажется невозможным подвигом или тягостным «самопожертвованием». Обычно такие актрисы относятся к разряду тех, которые, по меткому замечанию Станиславского, любят не столько искусство, сколько «себя в искусстве». Настоящие художницы, Корчагина-Александровская и Блюменталь-Тамарина в начале сценической жизни угадали свое «амплуа», трезво расценили свои сценические способности, свои природные склонности — с тем расчетом, чтобы они не противоречили высоким требованиям искусства и, наоборот, гармонизировали с ними. И не обманулись: они по-настоящему нашли свое призвание, не лукавя и не заигрывая ни перед собой, ни перед зрителем. Как всегда в актерской биографии поводом являлся «случай». Блюменталь-Тамарина, игравшая раньше роли «инженю», внезапно заменила актрису в роли Настасьи Панкратьевны в «В чужом пиру похмелье». И с этого времени перешла на такие роли, путь к которым ей указывала О. Садовская. В счастливом выборе «амплуа» Корчагиной-Александровской помогло и несчастье материального порядка. Она шуточно вспоминает, что «начала я их играть потому, что видела, что мне не под силу делать туалеты, которые требовались для молодых ролей» (сборник «Актеры и режиссеры»). Но, конечно, не это решило судьбу актрисы. Она замечает в статье «Мой опыт»: «Я не обольщала себя никогда призрачными иллюзиями на счет эффектных и «самоигральных» амплуа». Исходя из возможностей своей артистической индивидуальности, она выбрала сложное и на первый взгляд мало выигрышное, неблагодарное «амплуа», а впоследствии большим сценическим трудом дополнительно оправдала свой выбор. В настоящее время Корчагина-Александровская и Блюменталь-Тамарина — лучшие представительницы этого устойчивого «амплуа», испытанного и некогда прославленного Садовской и Стрельской.

Советские пьесы вывели Корчагину-Александровскую и Блюменталь-Тамарину из традиционного круга ролей, и они — не только последователи и продолжатели в характере «амплуа», но и создатели нового, творцы новых чувств, эмоционально-психологических красок, рожденных новым содержанием, новым отно-

М. М. Блюменталь-Тамарина в роли Настасьи Панкратьевны («В чужом пиру похмелье»).

шением к людям и к миру. Та тема, которой они обязаны многими своими успехами за последние годы, — это тема материнства. У Корчагиной-Александровской — мать повешенного в «Пугачевщине», мать приговоренного к смерти Каляева («Иван Каляев»), у Блюменталь-Тамариной — мать в «Бойцах», мать в «Славе». Мать, заботящаяся о своих детях, вдохновляющая их на подвиг, безгранично любящая их, но, если нужно, жертвующая жизнью детей в интересах революционного долга, общественной справедливости — эта патетическая, подчас трагическая тема, где героика неразрывно связана с лирикой, находит в игре Корчагиной-Александровской и Блюменталь-Тамариной редкое по теплоте и душевности воплощение. Эта тема символически обобщена в образе горьковской «Матери», и как бы нам хотелось видеть этих двух актрис хотя бы в отрывочной инсценировке этого волнующего произведения! Итак, если бы понадобилось сформулировать то новое «амплуа» — героическое, утверждающее, которое в пределах огромного дарования каждой из двух актрис легко уживается с их старым комическим, иронически-насмешливым «амплуа», — то мы бы его кратко назвали: советская мать, мать революционера. И, пожалуй, ни одна из наших актрис не способна так, как это в силах Корчагина-Александровская и Блюменталь-Тамарина, почувствовать теснейшую, органическую связь темы материнства в нашем понимании с идеей подлинной человечности, социалистической гуманности.